Колобов Евгений 22 марта 2001 г.

Веч. Москва. – 2001. – 22 марта. – с. 9.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Евгений КОЛОБОВ:

ИСКУССТВОМ НАДО ЗАНИМАТЬСЯ В ОДИНОЧКУ

Сегодня вечером премьерой «Bravissimo», музыкального действа в двух частях, **коллектив театра и его друзья отмечают десятилетие популярной в Москве «Новой оперы».** Билеты, как всегда, давно проданы. А десять лет назад...

Борис ЯКОВЛЕВ

Десять лет назад мэр столицы спросил Евгения Владимировича Колобова, какое, по его мнению, название подойдет начинающему театру? По всегдашнему отсутствию чинопочитания и из любви к острословию он ответил: «Конечно, имени Юрия Михайловича Лужкова». — «Это еще рано, — засмеялся мэр. — Лучше так — «Новая опера». Двух дней на составление сметы достаточно?» 22 марта 1991 года решение правительства Москвы о создании «Новой оперы» было подписано.

Тогда, десять лет назад, редкая газета не писала о грандиозном скандале в оперном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Дело дошло до забастовки, отмены спектаклей. В центре противостояния оказался Колобов, натура сколь талантливая, столь неуживчивая. Он занимал пост художественного руководителя и главного дирижера, то есть был наделен почти беспредельной властью. Использовал он эту власть для того, чтобы поставить силами молодежи несколько гремевших на всю Москву спектаклей. Маститые — «народные» и «заслуженные» — не могли смириться с отстранением от Татьян—Ленских и предприняли контрнаступление: под одобрительное улюлюкание выдворили на улицу возмутителя спокойствия. Вслед за ним уже по собственной воле театр покинули около двухсот молодых солистов, артистов, оркестрантов. Все они вместе со своим кумиром отправились «в никуда».

В то время я, корреспондент «Вечерки», обнаружил Евгения Владимировича в роскошной гостинице «Будапешт» в окружении жены Натальи Попович, дочери Марфы, кота и белого рояля. Деньги за номер для переехавшего из Ленинграда в Москву маэстро театр перечислять перестал, и каждое утро начиналось с душераздирающей сцены выселения злостного неплательщика.

«Вечерняя Москва» выступила в его защиту. Через сутки гневливая депутация «народных» посетила редакцию с опровержением на восьми листах. Газета напечатала их письмо со своим комментарием.

Эта нервная переписка была замечена: Е. Колобова, Н. Попович и Д. Родионова, тогдашнего директора еще не существовавшего театра, принял Ю. Лужков. И Москва обрела «Новую оперу».

Сначала она не имела своего дома, потом появилось бывшее кино «Зенит» на Таганской улице, теперь уже третий сезон играют в саду «Эрмитаж», в капитально отремонтированном, реконструированном Зеркальном театре, который знавал многих знаменитостей, включая Ф. Шаляпина, С. Бернар, С. Рахманинова, и всегда закрывался по случаю зимних холодов...

— Кажется, настало благополучие: премьеры, постоянные аншлаги, театр любим публикой, собрал вокруг себя многочисленных друзей. Откуда такая стойкая неприязнь к рецензентам, журналистам?

— По существу коллектив не чувствует с их стороны уважения к театральному делу. Не говорю о чем-то большем, но даже перепутать имя, фамилию солиста, артиста становится правилом «хорошего тона». Никому не загораживаю дорогу в наш театр. Приходите, покупайте билет в кассе и пишите, что хотите. Работаю не для рецензентов, а для зрителя. Пока у нас полные залы, и это дает силы, позволяет не обращать внимания на то, что кто-то где-то написал. Благодарен всем, кто к нам приходит, и, поверьте, отношусь к своему делу требовательнее самого придирчивого зрителя. «Новая опера» — название с большим смыслом: всем знакомое произведение представляю как новое, нередко для самого себя неожиданное, конечно, при огромном уважении к автору, его музыке. А критики неистовствуют: Чайковский замыслил одно, а этот Колобов ничего не понял. А критику-то все всегда ясно.

— Вы дирижер с мировым именем. Вас не посещает мысль бросить здесь все и уехать навсегда?

— Никогда! Я хочу жить, работать дома. Это естественное право человека. Никого из отъезжающих не осуждаю, но я не могу любить родину по телефону, наведываться сюда на один-два спектакля и снова исчезать.

— Что за странное название сегодняшней премьеры — «Bravissimo»?

— Нам исполнилось десять лет, так что не грех воскликнуть: «Браво! Брависсимо!» Первое отделение отдано русской классике, второе — западной. Есть и свой незамысловатый сюжет: действие разворачивается в саду «Эрмитаж», так много значащем для отечественной культуры.

— Это последняя премьера нынешнего сезона?

— Нет. В апреле покажем оперу «Сельская честь» в постановке талантливого финского режиссера. До лета, в конце мая, выступим вместе с Андрисом Лиепой. Оркестр «Новой оперы» будет играть с Николаем Петровым рапсодию Рахманинова на темы Паганини. Этот балетный спектакль наверняка найдет своего зрителя. В начале ноября хочу устроить концерт в честь 200-летия Беллини, одного из самых любимых мною композиторов. Если к осени найдем деньги, Владимир Васильев поставит «Кармен».

Продолжим сотрудничество с Имперским русским балетом (президент Майя Плисецкая, художественный руководитель Гедиминас Таранда).

— Дирижировать будете вы?

— Нет. У нас сейчас четыре дирижера. Это мои ученики, в основном из провинции, из Сибири. Даю им зеленую улицу: пусть молодые дерзают. Я же все острее чувствую груз лет, который опрокидывает во мрак пессимизма. Овации зрителей все меньше волнуют кровь. Победы пришли слишком поздно.

Я тридцать с лишним лет служу опере, одному из самых громоздких, неподъемных видов искусства. Это были годы бесконечных разочарований, от спектакля к спектаклю удавалась лишь половина того, о чем мечталось. Причин великое множество: от глобальных творческих до непробиваемой тупости какого-то декоратора. Я и себя казню по полному счету. Искусством надо заниматься в одиночку и спрашивать только с самого себя.

— Вы не писатель, не художник...

— Кто запретит мне наслаждаться плодами их трудов? Читаю книги, хожу на выставки, в драму, слушаю камерную музыку, которую, увы, плохо знаю, просто любуюсь природой. Оперный театр отнял у меня все, теперь наконец избавляюсь от его наваждений.

— С вами трудно согласиться по причине своего рода лукавства. В «Новой опере» устраиваются популярнейшие циклы литературно-музыкальных вечеров, так что ваша нынешняя любовь к литературе, камерной музыке не так уж бесплодна.

— Как вам будет угодно.

— Что вас не удовлетворяет в «Новой опере»?

— Я ответственен перед людьми, помогавшими созданию нашего театра, прежде всего Юрием Михайловичем. За мной стоит коллектив. Он может меня бросить и уехать, куда хочется, я его — нет. Около тридцати человек уже отбыли от нас на Запад, перебрались в Большой театр, Мариинку. Бытовало такое выражение: кузница кадров, чем сейчас не без успеха занимаемся: растим. Растим и — провожаем.

Каждый год меняется состав исполнителей. Могут ли они становиться от этого лучше?

Театр, о котором я мечтал, существует только в мемуарах. Кого я могу сейчас среди ночи позвать на репетицию? Никто не спросит про какую-то идею, спросит: сколько заплачу.

Я не говорю про всех, но бескорыстных юродивых становится меньше и меньше...

— Неужели все так беспросветно?

— Два года прошло, все вспоминаю встречу с писателем Виктором Астафьевым. Ему исполнилось 75 лет, я взял два чемодана нот и отправился в Красноярск, чтобы устроить концерт «Музыкальное приношение» юбиляру, программу составляли вместе. И еще одно воспоминание греет душу. Как-то днем шел в театр по саду «Эрмитаж». Это время прогулок здесь мам с ребятишками. Меня спросили: «Вы Колобов?» — «Да». Грянули аплодисменты: с появлением «Новой оперы» сад обрел новую жизнь.

234